

Характеризуя драматургию 1830–1840-х гг., время активного «действия» Полевого-драматурга, В.Э. Вацуро отмечал, что в этот период «недостаток оригинальных драм ощущается и театром, и театральной критикой, и отчасти этой потребностью объясняется обращение драматургов к национально-историческим сюжетам, открывавшим пути к созданию именно национального театра» [3, с. 353]. Полевой, считавший, что «Сусанин гораздо лучше мог быть предметом драмы», чем оперы, впервые показывает «истинное событие в начале царствования Михаила Федоровича» в жанрово-бытовом ракурсе, рисуя нравственный портрет русского крестьянина как средоточие лучших черт русского народного духа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. : в 13 т. – М., 1953–1959. – Т. IV.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М., 1955. – Т. I.
3. История русской драматургии. XVII – первая половина XIX века. – Л., 1982.
4. Киселева Н.Л. Становление русской национальной мифологии в николаевскую эпоху (сусанинский сюжет) // Лотмановский сборник. Вып. 2. – М., 1997.
5. Полевой Н.А. Костромские леса // Драматические сочинения и переводы Николая Полевого: в 4 ч. Ч. I. – СПб., 1842. – С. 321–435. Здесь и далее текст пьесы цитируется по этому изданию.
6. Русская история для первоначального чтения. Сочинение Николая Полевого. Ч. 3. – М. : Тип. Н. Степанова, 1835.

N.A. POLEVOI'S TRUE STORY "KOSTROMA FORESTS" (1841): FROM THE EXPERIENCE OF READING THE PLAY

A.S. Basenko

The attempt to reveal N.A. Polevoi's major intention in his true story "Kostroma forests" (1841) is made. The author argues that the most important idea was to make it clear to the readers that Ivan Susanin's heroic deed was deliberate, and that Susanin accumulated the best personality traits of the Russian people.

Historic drama, true story, N.A. Polevoi, Susanin plot.

Статья поступила 19.06.2015

УДК 27:13

КУЛЬТУРА РУССКОЙ ПРОВИНЦИИ В ПИСЬМАХ В.В. РОЗАНОВА И Н.Н. СТРАХОВА

А.Ю. Саранин

В статье феномен русской провинции осмыслен на материале эпистолярного диалога В.В. Розанова и Н.Н. Страхова.
Розанов, Страхов, провинция, переписка, эпистолярный жанр.

Тексты частной переписки эпохи Серебряного века имеют весьма специфическую природу. Очень часто такие письма перестают быть просто бытовым документом и становятся полноценным литературным явлением, позволяющим взглянуть на эпоху через призму личности автора. Наиболее значимой для историко-культурного изучения является переписка выдающихся деятелей культуры этого времени – писателей, поэтов, философов, художников и музыкантов. Тексты их писем перерастают отведенные историей рамки, свидетельствуя о рождении оригинальной исповедальной традиции и демонстрируя талант своих авторов подмечать и анализировать динамические явления культурно-исторического процесса.

Одной из вершин русской эпистолярной литературы можно считать переписку В.В. Розанова. Мало кто из писателей достигал такой искренности и непосредственности. Как пронизательно замечал Э.Ф. Голлербах, в своих письмах Розанов «меньше всего писатель» [3]: религиозные, философские и политические воззрения всегда неразрывно связаны с жизнью автора. Особое место в эпистолярном наследии Розанова занимает переписка с Н.Н. Страховым. В неизвестном провинциальном учителе географии, авторе не оцененного современниками трактата «О понимании» известный философ и публицист сумел почувствовать незаурядный ум и литературный талант. Общение их носит, на первый взгляд, литературно-философский характер: Розанов выносит на суд Страхова свое учение о потенциях, просит похлопотать об издании переводов из «Аристотеля»; на страницах писем то и дело возникают имена В.С. Соловьева, К.Н. Леонтьева, Л.Н. Толстого, Ап. Григорьева. Но иногда просачиваются в письма картины той будничной провинциальной жизни, которую вынужден вести Розанов сначала в городе Ельце Орловской губернии (1887–1891), потом – в крохотном городке Белом Смоленской губернии (1891–1893) [2]. Постепенно перед нами раскрывается живой образ русской провинции конца XIX в. со всеми ее светлыми и темными сторонами.

Уже в одном из первых писем Розанов оговаривается, что еще со времен окончания университета испытывает глубокое отвращение к преподаваемой науке [4, с. 151]. В жалобах мыслителя угадывается извечная

проблема талантливого человека, в силу обстоятельств лишенного возможности заниматься тем делом, к которому он более всего расположен: «Хочется мне вырваться из своего учительства, которое не дает ни времени для занятия, ни, главное, возможность хотя бы 15 часов кряду думать об одном чем-нибудь, не думать о морях, заливах и проливах, войне „Алой и Белой розы“ и всем прочем, до чего мне нет дела...» [4, с. 182].

Неприязнь к профессии гимназического преподавателя подкрепляется еще и критическим отношением к организации обучения в гимназии: «...Представьте себе, что с 9–10 лет до 18 через душу человека ежедневно проходит 8–10 впечатлений, <...> не имеющих между собой никакой связи <...> Представьте себе, чем должна стать человеческая душа, в течение 8–10 лет не испытывавшая ни одного цельного, не разорванного впечатления: нет времени ни любить, ни ненавидеть, ни задумываться над чем-либо» [4, с. 162]. Беда гимназического образования видится Розанову в неспособности дать ученику целостное мировоззрение, которое заменяется фрагментарными, лишенными всякой воспитательной подоплеки сведениями из самых разных научных областей, «мелкими и тусклыми черточками». Продуктом такой образовательной системы вполне закономерно становится «душевный холод в подрастающих поколениях, безжалостность, отсутствие сострадания – нигилизм, убийство государя» [4, с. 162].

Такие грустные выводы подсказаны будущему писателю, вероятней всего, горьким преподавательским опытом. С досадой пересказывает он Страхову историю, произошедшую с пожилым учителем Леоновым, который «был любим все гимназиею за свой безукоризненный такт, за всегдашнюю доброту к воспитанникам» [4, с. 198]. Леонов, будучи надзирателем на катке, был избит выгнанным несколько лет назад гимназистом Рыльцевичем только за то, что тот когда-то был оставлен без обеда и высечен.

Исход этого хулиганского дела решился в худших провинциальных чертах: Рыльцевичу, который уже был известен своими бандитскими наклонностями и даже стрелял в собственного отца, удалось избежать наказания. Его отец (писарь в окружном суде) смог упрямить председателя суда значительно смягчить приговор. Ситуация, когда решениями суда управляет не закон, а связи, делает учителя удобной мишенью для всяческих правонарушений. По словам самого Розанова, провинциальное учительство – это «темный уголок, в коем если кто и оскорблен – то трудно даже и рассмотреть, кто именно, и как, и почему» [4, с. 198].

Вскоре с грубостью и нахальством среди гимназистов пришлось столкнуться и самому мыслителю. Когда он поставил двойку ученику четвертого класса, не сумевшему показать Цейлон на карте, тот стал угрожать расплатой. Причина столь развязного поведения ясна: у этого гимназиста имелся капитал – более 150 тысяч рублей. В результате разбирательств ученик все же был отчислен, но Розанову пришлось купить новую трость, чтобы защищаться от возможных нападений [4, с. 201].

Можно предположить, что подобное огрубение нравов подрастающего поколения – отражение грубости и нахальства их родителей. Приблизительно через год, в 1891 г., Розанов сам оказывается в положении Леонова. Один из родителей (чиновник из полицейского управления) пришел к нему в гости в пьяном виде и после путаных расспросов и объяснений (его сын накануне получил двойку по географии) неожиданно ударил философа по лицу. Естественно, что из-за мягкости характера Розанова грубиян так и остался безнаказанным [4, с. 255]. «Безысходность и низость» положения провинциального учителя служила для будущего писателя источником постоянных расстройств, ведь причиной подобного отношения со стороны родителей была лишь постоянная строгость преподавателя. Но быть нестрогим с распушенными и шаловливыми гимназистами Розанов, по своему признанию, просто не мог. Характерно, что это вызывало презрительное отношение и со стороны других учителей: «Прочие учителя в большинстве к ним (гимназистам) и своему предмету относятся индифферентно, и потому-то на меня, строгого не по главному предмету, обрушивается их ненависть» [4, с. 257]. Здесь обращает на себя внимание та черта провинциальной психологии, которую Розанов очень точно выразил словами: «Живу среди людей, которые и мысли не допускают, чтобы кто-нибудь не походил на них и, следовательно, мог бы поступать иначе, нежели они» [4, с. 256].

Однако не стоит думать, будто провинция изображена Розановым исключительно в черных красках. Не случайно многие русские писатели, начиная с Толстого и Достоевского, именно в этой культурной среде находили сильные и гармоничные характеры, в которых видели надежду на обновление России. Такие личности, хоть и нечасто, но все же появляются и на страницах писем Розанова. Таков П.Д. Первов, «очень хороший человек, честный, серьезный и деятельный, хотя и со вздорными новыми убеждениями» [4, с. 155]. Именно благодаря помощи этого бескорыстного человека перевод части «Метафизики» Аристотеля смог увидеть свет, ведь сам Розанов признавал, что древнегреческим владеет плохо, непосредственной работе по переводу текста предпочитая комментирование.

Таков и «из живых людей самый близкий» [4, с. 199] Розанову учитель приготовительных классов Петропавловский. Хотя в этом человеке и угадываются черты чисто провинциального чудака («ходя по бульварам, все рассказывал с увлечением, как в Америке хорошо, сколько школ, свободы жизни и пр.», мыслитель восторгается потрясающей гармоничностью этой природы: «никто из известных мне людей не представлял такого равновесия всех сторон, такого гармонического соединения достоинств ума, сердца, внешних привычек, такта и притом не искаженного ни одной дурной привходящей чертой» [4, с. 199]. Тем грустнее, что именно такой человек лишился жизни из-за глупой врачебной халатности – неправильно организованного лечения.

Наконец, именно в провинции встречает Розанов свою вторую жену, Варвару Дмитриевну Бутягину, «доброе, хорошее и чистое существо» [4, с. 210]. Эта женщина, воплощавшая в себе такие традиционные русские качества, как домовитость и порядочность, стала верной спутницей Розанова на всю оставшуюся жизнь.

Эпистолярный диалог В.В. Розанова и Н.Н. Страхова не только проясняет некоторые стороны провинциального русского быта, но и помогает выявить мировоззренческие и ценностные установки этих мыслителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Едошина И.А. Страхов и Розанов // Энтелехия. – Кострома, 2010. – № 21. – С. 57–64.
2. Николюкин А.Н. Розанов (серия ЖЗЛ). – М. : Молодая гвардия, 2001.
3. Письма В.В. Розанова к Э.Ф. Голлербаху [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.users.kaluga.ru/kosmorama/letters.html> (дата обращения 30.08.2015).
4. Розанов В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев / под общ. ред. А.Н. Николюкина. – М. : Республика, 2001.

THE CULTURE OF THE RUSSIAN PROVINCES IN V.V. ROZANOV'S AND N.N. STRAKHOV'S LETTERS

A.Yu. Saranin

The phenomenon of the Russian provinces is interpreted by analyzing the epistolary dialogue between V.V. Rozanov and N.N. Strakhov.

Rozanov, Strakhov, the provinces, correspondence, epistolary genre.

Статья поступила 20.08.2015

УДК 141

«БЕСЕДКА РОЗАНОВА»: К ПРОБЛЕМЕ СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТИ

К.В. Барынина

В статье предлагается культурологическое обоснование необходимости увековечить память В.В. Розанова в Костроме. Монумент должен быть органичен не только культурному ландшафту города, но и творческому методу писателя.

Культура, провинция, В.В. Розанов, архитектурный ансамбль, городская застройка.

Города так же не похожи друг на друга, как и люди. Каждый имеет свою судьбу, свой облик. Любой из них уникален своей яркостью или, наоборот, своей неприметностью. Тихая Кострома – классический провинциальный город. Он меняется с осторожностью. Зато в толщах культурного слоя Костромы можно найти следы былых эпох. Здесь в каждой улочке, в каждом доме – частичка истории, сотворенная людьми, жившими здесь [4, с. 416].

Русский философ, критик, публицист Василий Васильевич Розанов родился в Ветлуге, но детство свое провел именно в Костроме. Он прожил здесь с лета 1861 г. по лето 1870 г. Девять полных лет. Отсюда он повел свою линию жизни, не только телесную, но и духовную, называл Кострому своей первой, «физической родиной», «мамашиным гнездышком». Подрастал, трудился, помогая по хозяйству матери, здесь и начал свое обучение. Принято считать, что Розанов не любил Кострому, поскольку с нею были связаны воспоминания о нищем, полуголодном детстве. И все же в текстах писателя слов признательности Костроме мы находим куда больше, нежели раздраженного сетования по поводу вечного костромского дождя. В 1913 г. Розанов, «перебрав в пепельнице окурки и вытряхнув в коробку свежего табаку» (такая сделана ремарка), записал в дневнике: «Отчего я так люблю его (детство). Такое дождливое, тягучее, осеннее детство?» Понятно – отчего. Оттого что из этого тоскливого детства произрастает сам Розанов (тот гениальный Розанов, которого знают сегодня все читающие люди). Этими соками питается его понимание жизни, его религия семьи, его самобытный творческий метод, его писательское бесстрашие [7].

Предлагаю вместе поднять занавес истории и совершить интерактивную прогулку по старинному городу, предположить, по каким улицам ходил писатель от своего дома до гимназии. В гимназию Розанов поступил в 1868 г., в возрасте 12 лет. О ранних ученических годах Розанова известно мало. Неизвестно, кто был первым наставником будущего писателя и мыслителя. Думается, что занимались с понятливым мальчиком именно те «нахлебники», которые снимали «угол» розановского дома: семинаристы, угольщик Данилов, который Розанову представлялся «дедом» [3]. Дом Розановых в Костроме – «у Боровкова пруда» (начало ул. Галичской, справа от современного здания цирка). Сейчас там автостоянка и территория рынка «Калиновский». Таким образом, гимназист Вася Розанов мог добираться до своего учебного заведения тремя основными маршрутами.

Маршрут № 1: Дмитриевская (ныне ул. Маршала Новикова) – Покровская (Энгельса) – Гимназический переулок (Лермонтова) – Всехсвятская (Дзержинского). Этот самый короткий путь к зданию гимна-